

Паланкин трясло всю дорогу.

Цзян Шэн, со связанными руками и ногами, не мог двигаться совсем, подпрыгивал до тех пор, пока его чуть не вырвало.

Хотя это был не брак по всем правилам, всё же сам указ вдовствующей императрицы. Но в поместье Северного князя не зажгли даже красного фонаря. Ясно, что на этого молодого господина Цзяна там плевать хотели.

Его встретил лишь управляющий. Вероятно, получив от семьи Цзян деньги, он осмелел и велел слугам отнести человека прямо в спальные покои князя.

Ноги Цзян Шэна были связаны, он не мог ходить, поэтому двое слуг просто подняли его на руки.

Даже сейчас он сохранял присутствие духа, позволяющее воспринимать черный юмор: надо же, всё как в сериалах, когда наложницу приводят прислуживать в постели.

В его воображении Северный князь представлялся каким-то огромным, кровожадным чудовищем.

Прикосновение такого мужчины... от одной только мысли об этом Цзян Шэна тошнило.

Он закрыл глаза, крепко сжимая серебряную заколку для волос, которую тайком взял в руки, пока в поместье Цзян его наряжали.

В худшем случае, они умрут вместе!

К сожалению, героическая решимость Цзян Шэна быстро рухнула. Даже взяв деньги, слуги проявили осторожность: они обыскали его и без труда нашли в его руке заколку для волос.

Слуга с презрительной усмешкой выхватил ее. «Молодой господин Цзян, не делайте ничего лишнего. С вашими тощими руками и ногами вы не причините вреда нашему князю, даже если попытаетесь — вы только умрете еще более жалкой смертью. Зачем стараться? Служите ему хорошо, заслужите благосклонность князя, и, возможно, вы сохраните свою жизнь».

Служить ему?

Пусть мечтает!

Цзян Шэн с силой сплюнул.

Слуга равнодушно пожал плечами. «Если вы настаиваете на смерти, никто вас не спасёт».

Почти два дня без еды — всего пара кусочков у Охотника — истощили Цзян Шэна, а теперь пропала и заколка. Совершенно обескураженный, он позволил им грубо с ним обращаться, и когда его наконец бросили в комнату, он свернулся калачиком в углу.

Дверь открылась и закрылась.

В просторной спальне теперь находился только Цзян Шэн.

Прислушиваясь, пока всё не успокоилось, он осторожно поднял голову и огляделся — и его взгляд остановился прямо на столе.

Несколько тарелок с изысканно приготовленными пирожными, которые бросались в глаза с первого взгляда. Цзян Шэн тяжело сглотнул. Он уже давно был голоден как волк, сейчас все великие дела вылетели у него из головы. В его глазах оставалась только еда на столе.

Если ему суждено умереть, он умрёт сытым котиком*!

*В оригинале фраза звучит как 即使我死了也要吃饱猫! Это авторская переделка известной поговорки 即使我死了也要吃饱! («Даже умирая, стань сытым призраком!»). Автор заменил 鬼 (призрак) на 猫 (котик, мяу)

Проблема заключалась в том, что... у него были связаны руки и ноги!

Цзян Шэн в душе яростно проклинал Цзян Юаня, но в конце концов урчание в животе взяло верх. Он стиснул зубы, оттолкнулся задом от пола и вскочил.

Какая полезная задница!

Цзян Шэн изо всех сил старался держать равновесие и, как маленький зомби, прыгал к столу. Без рук он мог только наклониться и вытянуть шею — и как раз когда он собирался откусить кусочек пирожного, снаружи послышалось движение, и кто-то толкнул дверь.

Внезапный шум испугал Цзян Шэна, он дернулся назад, потерял равновесие и рухнул прямо на пол.

«Бух».

Лу Янь, едва переступив порог, услышал звук, и его лицо похолодело. Он наклонил голову.
«Кто в покоях этого князя?»

Слуга рядом с ним подобострастно улыбнулся. «Это молодой господин семьи Цзян. Только что доставили».

Чэн Цзин резко вздохнул.

Любой, у кого были глаза, мог видеть, как сильно князь презирал этого молодого господина из семьи Цзян, — и все же этот слуга осмелился по собственной инициативе выдать его прямо перед князем.

Ему по-настоящему надоело жить.

И точно. Лу Янь, услышав его слова, не изменился в лице, но вдруг коротко рассмеялся и с интересом спросил: «Сколько серебра тебе дала семья Цзян?»

Слуга замер, затем упал на колени, дрожа всем телом. «Этот раб не... Пощадите этого раба, Ваше Высочество, пощадите меня!»

Лу Янь слегка приподнял подбородок. Стоявший рядом стражник тут же двинулся с места, заткнул мужчине рот и вытащил его наружу.

Понимая, что внутри скрывается нечто мерзкое, Лу Янь пришел в ярость. Он рявкнул:
«Вышвырните его и разберитесь с ним!»

Что будет, если что-то настолько мерзкое коснется его, и Шэншэн рассердится и перестанет приходить к нему во сне?

Чем больше он думал, тем сильнее раздражался, и его лицо ужасно потемнело.

Чэн Цзин не посмел медлить. Он ответил и толкнул дверь.

Дверь была открыта, и Цзян Шэн краем уха услышал, что происходило снаружи: крики и мольбы слуги. Они сжали его сердце, словно огромная рука.

Дрожа, он пополз назад дюйм за дюймом, прижавшись к углу.

Неужели этот Северный князь и правда такой страшный, как говорят? Неужели сегодня из него сделают кожаный фонарь?

Как бы бесстрашно Цзян Шэн ни действовал перед семьей Цзян, перед лицом смерти он всё равно инстинктивно боялся. Он изо всех сил закусил губу и беззвучно плакал, слёзы залили всё лицо.

Шаги приближались.

Как бы Цзян Шэн ни прятался, ему не удавалось спрятаться за стеной.

Перед ним появилась высокая фигура.

По правде говоря, Чэн Цзин тоже оказался в неловком положении.

Этот молодой господин из семьи Цзян и так был достаточно жалок — вот так он плакал, будучи связанным.

Но в поместье Северного князя сочувствие бесполезно

Если Лу Янь хочет его убить, кто посмеет заступиться?

Видя, как перед ним стражник в доспехах протягивает руку, Цзян Шэн решился. Он резко наклонил голову и изо всех сил вцепился зубами в его ладонь между большим и указательным пальцем.

Чэн Цзин никак не ожидал, что у такого маленького молодого господина окажется столько смелости. И такие острые зубы. Он прошипел сквозь зубы, отбросив всякую мягкость, схватил Цзян Шэна за воротник и вытащил его наружу.

Цзян Шэн изо всех сил боролся, но его жалкие усилия в глазах Чэн Цзина были ничтожны.

В панике он инстинктивно закричал: «Не трогай меня... Лу Янь, муж, спаси меня!»

Мужчина, только что вошедший в комнату, замер на полшага.

Этот голос...

А затем Чэн Цзин вытащил Цзян Шэна наружу, его лицо было залито слезами, и по счастливой случайности его взгляд встретился со взглядом мужчины в дверном проеме.

В тот миг он забыл даже плакать или сопротивляться.

Он моргнул и растерянно спросил: «Что... Муж?»

Аналогично, Лу Янь застыл на месте, с недоверием глядя на человека напротив.

В тот миг все вокруг словно растворилось, остался только человек перед ним. В ушах снова зазвенело — звуки пропали. Он открыл рот, но не произнес ни слова, горло словно сдавило.

Это обман зрения? Или опять приступ? Нет, не так, голова вроде не болит.

Тело Лу Яня резко закачалось, а затем, споткнувшись, он побежал вперед.

Чэн Цзин был ошеломлен появлением своего князя, подумав, что тот намеревался задушить молодого господина Цзяна прямо на месте.

Он только хотел открыть рот и уговорить князя успокоиться...

Но в следующее мгновение Лу Янь вдруг обнял человека.

Прямо у него на глазах, крепко, изо всех сил обнял молодого господина из семьи Цзян.

Чэн Цзин: «...?»

Лу Янь никогда еще не был в таком растерянном состоянии. Его захлестнула всепоглощающая радость, за которой тут же последовали паника и беспомощность.

Это было правдой?

За восемь лет, прошедших с момента его переселения в Великий Гань, ему так часто снились подобные сны: он обнимает Шэншэна, но, проснувшись, всё оказывалось пустым, ненастоящим.

Лу Янь слегка отпустил человека перед собой. Дрожащими руками он взял его за плечи, а его тёмные глаза медленно, дюйм за дюймом, скользили по его лицу.

Покрасневшие от слёз глаза, ресницы, на которых ещё висят слезинки, маленькая родинка слева на кончике носа, мягкие красные губы...

Это был его Шэншэн. Настоящий, живой, теплый. Его Шэншэн.

Наконец, дрожащим, хриплым голосом Лу Янь выдавил из себя слово.

«Жена?»

...

Чэн Юй подошёл и издалека наблюдал, как его младший брат, присев на корточки, тянет себя за волосы. «Что с тобой?»

Чэн Цзин поднял голову. «Брат, ударь меня».

Чэн Юй вздрогнул. «Что?»

«Кажется, я отравился, — тупо произнёс Чэн Цзин. — Я только что видел, как князь обнимает молодого господина Цзяна».

Чэн Юй тоже замер, а затем пробормотал: «Неужели правда отравился?»

«Нет, подожди... тогда где сейчас князь?»

Чэн Цзин безвольно ответил: «Выгнал меня, а потом остался внутри с молодым господином Цзяном. Наверное, до сих пор обнимает».

«...»

Он действительно продолжал обнимать.

Цзян Шэн все это время плакал, цепляясь за Лу Яня, как маленький рисовый пирожок, и рыдал до тех пор, пока едва мог дышать.

Лу Янь, вновь обретя потерянное, был в не лучшем состоянии, чем Цзян Шэн. Его взгляд не отрывался от лица Цзян Шэна, словно он боялся, что тот исчезнет, если он моргнет.

Красная шелковая нить, связывающая руки и ноги Цзян Шэна, была развязана. Он висел на Лу Яне, словно маленький кулон, и слезы размазывались по его шее.

Этого было достаточно, если плакать дальше, можно повредить глаза.

Лу Янь хриплым голосом похлопал Цзян Шэна по спине: «Вот так, малыш, больше не плачь».

Цзян Шэн, как маленький плакса, никак не мог остановить слёзы. «Муж, я так по тебе скучал. Муж, я наконец-то тебя нашел».

Лу Янь вытер слезы и наклонился, чтобы поцеловать его в губы. «Малыш, я тоже по тебе скучал».

Скучал почти до безумия.

Лу Янь не смел и мечтать, что однажды действительно сможет увидеть Цзян Шэна.

Он снова прикоснулся к щеке Цзян Шэна.

Это не сон.

«Ур-р-р».

Внезапно раздалось урчание живота.

Цзян Шэн умоляюще посмотрел на Лу Яня, скривя губы. «Муж, я голоден».

В маленькой кухне поместья ночью обычно дежурил только один повар. Но по приказу Северного князя даже повара вытащили из постели. На кухне царил оживление, все с трудом готовили полноценный императорский банкет.

Цзян Шэн сидел в объятиях Лу Яня. Сначала тот кормил его с ложки, но Цзян Шэн был слишком голоден, ему надоела медлительность Лу Яня, он сам взял тарелку с рисом и ел, не поднимая головы.

Лу Янь, глядя на это, не мог вынести боли в сердце, поспешно налил ему тарелку супа: «Медленнее, малыш, ешь медленнее».

Цзян Шэн, набив рот едой, пробормотал: «Я умираю от голода. Я не ел два дня».

Глаза мужчины потемнели.

Как Шэншэн попал в Великий Гань? Как он стал молодым господином Цзяном и оказался здесь? Сколько страданий он перенес по пути? Кто над ним издевался...

У Лу Яня было так много вопросов, но он не спросил ни один из них — лишь держал тарелку,

время от времени подавая Цзян Шэну пару ложек супа.

Это не к спеху. Он уже нашёл Шэншэна, а остальное можно решить постепенно.

При этой мысли лицо мужчины смягчилось. Он принялся уговаривать Цзян Шэна: «Малыш, выпей ещё глоток супа».

За дверью Чэн Юй и Чэн Цзин начали толкаться, каждый из них колебался, прежде чем подойти посмотреть. В конце концов, брат втолкнул Чэн Юя внутрь, тот споткнулся и распахнул дверь настежь, а затем, увидев эту сцену, отшатнулся, словно увидел призрака.

Прерванный посреди трапезы во время кормления жены, Лу Янь бросил на него мрачный взгляд и уже собирался резко отругать, но тут вспомнил, что Цзян Шэн сидит прямо здесь, и резко остановился, смягчив тон на несколько градусов.

«Что случилось? Что-то нужно?»

Услышав, как мягко говорит князь, волосы Чэн Юя чуть не встали дыбом. Его губы задрожали, когда он, запинаясь, произнес: «Н-ничего... этот подчиненный поскользнулся».

Лу Янь кивнул. «Тогда уходи. Если я тебя не позову, не беспокой нас».

Чэн Юй словно получил помилование, поспешил удалиться.

Едва он вышел, как Чэн Цзин подскочил к нему: «Ну что? Всё ещё обнимает?»

Чэн Юй выглядел ошеломлённым. «Младший брат... кажется, я тоже отравился. Пойду к Божественному доктору, чтобы проверить пульс».

Чэн Цзин: «...»

Цзян Шэн съел больше, чем когда-либо в своей жизни, его маленький животик был круглым и полным, и если бы Лу Янь его не остановил, он бы продолжал есть.

«Ещё немного и тебе станет плохо. К тому же, ночью пища будет плохо перевариваться».

Обхватив Цзян Шэна одной рукой за талию, Лу Янь положил свою большую ладонь на его небольшой животик, медленно поглаживая его круговыми движениями.

Он не делал этого целых восемь лет, и всё же это казалось таким знакомым, словно он делал

это только вчера.

Лу Янь тяжело вздохнул, чувствуя, будто у него в жилах закипела кровь.

Затем Цзян Шэн внезапно всхлипнул: «Муж, у меня всё болит».

Лу Янь замер, мгновенно охваченный тревогой. «Что случилось? Ты ранен? Дай посмотреть».

Цзян Шэн поднял на него взгляд, и вся накопившаяся за эти дни обида наконец вылилась наружу.

«Муж, когда тебя не было рядом, они все издевались надо мной».

<http://bllate.org/book/21696/2368478>